

Ф р а н ц у з с к и й

п а р т и з а н и з

С а й т а к о в о

Р е а б и л и т и р о в а т ь с я М у ж д а б е Ш

а г и е в у п о м о г Ш а р л ь д е Г о л л ь

SIGNALEMENT

Taille 1.72

Cheveux Brun

Moustaches _____

Yeux vert

Visage Oval

Teint Brun

Signes particuliers _____

A Vulle le 28-10

Le Commandant de B...

Signature du Titulaire,

Pac

Герою сопротивления предлагали остаться во Франции, но он не захотел.

Обычный сельский учитель, он не был воином, не любил жить по команде, тем более кого-то принуждать. Когда поставили председателем колхоза, особого восторга не испытал. Но и отказаться не мог: раз коммунист, делай что должен, что доверили. Воспользоваться бронью и в мыслях не было: на фронт ушел в числе первых, сразу, как началась война. Воевал в составе 18-го гвардейского пехотного полка на Первом Белорусском фронте. В декабре 1942-го участвовал в боях под Витебском. После очередного, особенно кровопролитного сражения все чудом уцелевшие были уверены, что их часть уйдет на переформирование, но случилось худшее — назад не отвели, а перед позициями горстки советских солдат появились танки. Разведка врага работала хорошо — танки шли туда, где у солдат были только винтовки. Раненый в спину и оглушенный разрывами Шагиев с несколькими товарищами оказался в плену. Первый концлагерь был как раз в том самом Витебске. Ему повезло — рядом оказался врач из числа военнопленных. За четыре месяца более-менее выходил.

Полтора года концлагерей... Его часто перевозили из одного в другой, последний был на французской территории. Тяготы, лишения, унижения, моральные и физические страдания — трудно представить худшее испытание для человека, чем фашистский плен.

Как-то в концлагерь зачастили немецкие офицеры, уговаривали вступить в карательный легион по борьбе с

французскими партизанами. Наши же думали лишь об одном: как бы вырваться на свободу. Пробиться к своим — совсем уж призрачная мечта, так хотя бы отомстить, погибнуть с оружием в руках... Побег удался только с четвертой попытки. С каждым разом их, несломленных, становилось все меньше. Кого-то расстреляли, затравили овчарками, кто-то умер, не выдержав мучений. Были и те, кто встал на сторону врага. Но не Муждаба! В четвертый раз бежали самые стойкие. Каждый из них точно знал: поймают — расстреляют.

— Нас, детей, больше всего потрясали не столько рубцы от пулевых ран, сколько шрамы от собачьих укусов на теле отца. Руки, ноги — он был просто истерзан... Отметины от предыдущих неудачных побегов. Нам так хотелось услышать рассказы про войну, но знали, не стоит об этом спрашивать, ему было больно вспоминать, — рассказывает одна из дочерей героя Ляля Ахмадеева.

Беглецам повезло, они попали к французским партизанам — макизарам. В отряде Шагиев воевал с апреля 1944-го до конца войны. Отважно воевал — получил «Медаль бойца» и «Медаль партизана».

Отец рассказывал, что в той местности были глубокие ущелья, лесистые горы, крутые склоны, которые не только помогали скрываться, но и были удобны для внезапных нападений. Вспоминал, что жить приходилось зачастую в пещерах, их во Франции немало. Партизаны

устраивали засады, пускали под откос поезда, поджигали машины.

Несколько раз приходилось биться с карателями, прорываться из окружения. Отец говорил, что в такие минуты они бились насмерть, ибо знали, что такое плен. Командир отряда капитан Браулет всецело доверял советским солдатам и поручал самые ответственные задания. Особенно запомнился отцу бой за город Осер.

Партизаны незаметно сосредоточились на окраине города и разом атаковали. Немцы сначала рассредоточились, а потом намертво закрепились в многоэтажном здании.

Несколько раз макизары поднимались на штурм, но все тщетно. Тогда командир приказал сжечь дом огнеметом. Обезумевшие немцы стали выскакивать наружу, остальные вывесили белый флаг. Сто восемь человек сдались тогда партизанам в плен. Ляля Муждабаевна поведала, что отец с трепетом вспоминал своих боевых товарищей. Отмечал 13 мая — в этот день в 1944 году он был принят в члены Маки (в партизаны). Ему дважды удалось встретиться с секретарем Французской компартии Морисом Торезом и столько же раз с будущим президентом Франции Шарлем де Голлем. Особо отмечал их храбрость и ораторские способности. В одном из удостоверений, выданном французами, написано, что товарищ Муждаба Шагиев «добросовестно выполнил свой долг, атакуя

своей группой немцев. Участвовал в освобождении департамента Корреза». Там же охарактеризовали его как дисциплинированного, замечательного солдата.

Вспоминал, как с тяжелыми боями они продвигались к северу Франции и как в городе Тюль соединились с другим партизанским отрядом.

В августе 1944 года советские солдаты, действующие в составе французских партизанских отрядов, создали самостоятельный Первый советский партизанский полк из двух батальонов. Муждаба Гареевич вспоминал, что была даже учреждена «Присяга советского партизана».

«Французы нас провожали торжественно, с искренней любовью», — вспоминал Муждаба Гареевич.

Мог бы он остаться во Франции? Конечно. Герою Сопротивления настойчиво предлагали остаться во Франции. Но разве мог он отказаться от своей Родины?

Но Родина его особо не ждала. Как неблагонадежного элемента его отправили на принудительные работы в Донбасс, на угольные шахты. «Помогли»... раны. Заболел, разрешили вернуться домой.

Однако самое страшное ждало впереди. Стараниями кучки местных активистов он предстал в глазах земляков жалким военнопленным, чуть ли не изменником.

— Лишение наград, партбилета, гонения, подозрительность, откровенный надзор как за неблагонадежным... Я сейчас понимаю, тяжелее всего он переживал из-за нас — детей «изменника» Родины. Нас в семье было 11 детей, как всех прокормить? А от отца шарахались, как от прокаженного, не хотели брать на работу, удалось устроиться только разнорабочим. Ни о какой учительской работе и речи не могло быть. Мы боялись ночи, страшно боялись, — Ляле Муждабаевне до сих пор тяжело вспоминать то время.

— Мама все задавалась вопросом, почему из органов приезжали за отцом или вечером, или ночью? Уводили пешком в райцентр на очередной бессмысленный допрос. Утром он вновь отмерял 12 километров обратно — и на работу. Однажды на очередную истерику прокурора: «Я тебя расстреляю!» он спокойно заявил: «Я фашистской пули не боялся, неужели сейчас испугаюсь?»»

Все изменилось, когда в 1957 году на имя Никиты Хрущева пришло письмо от президента Франции Шарля де Голля, в котором он выразил благодарность советским людям — участникам французского Сопротивления. В списке было и имя Муждабы Шагиева. Так он в одночасье из изменника стал героем. Вскоре на Свердловской киностудии о нем сняли 15-минутный сюжет, вернули награды.

— Больше всего отец был счастлив тем, что его восстановили в партии и вернули доброе имя. Знаете, что меня больше всего удивляло в отце? Что он никогда

не терял веру. Не помню, чтобы жаловался на свою судьбу, сетовал на несправедливость партии и власти. Да что там жалобы, мы его и рассерженным-то никогда не видели, всегда и со всеми неизменно добросердечен и деликатен, — Ляля Муждабаевна вспоминает, что сначала они жили в небольшой избушке, а после «потепления» им выделили лес, построили большой дом. Отцу доверили возглавить школу.

Почти все 11 детей получили высшее образование. Многие выбрали стезю отца — стали учителями. И без военных в роду не обошлось. Например, у полковника ВДВ Асафа Фаррахова пять боевых орденов за участие в операциях в Афганистане и Чечне, за миротворческую службу в Абхазии, Приднестровье и Югославии.

— Наш отец прожил хорошую, пусть и сложную жизнь. Жаль только, не получилось осуществить его самую большую мечту — побывать еще раз во Франции, пройти по местам партизанских боев. А ведь его приглашали, и не раз. Однажды даже засобирались, только заболел, — вздыхает Ляля Муждабаевна.

Умер кавалер двух орденов Отечественной войны, французский партизан, герой Сопротивления Муждаба Шагиев в 1982 году.

Вместо послесловия

Так получилось, что под старость Муждаба Гареевич лежал в одной больничной палате с сотрудником НКВД, который, злорадно гарцуя на коне, гонял его пешим по

ночам на допросы. Нет, не стал попрекать, а просто заметил:

«Вот ведь какое дело, проведать меня каждый день приходят по пять-шесть человек, к тебе — ни один. Я, наверное, прожил более правильную жизнь, как ты думаешь?»».

После письма президента Франции Шагиеву вернули награды